

Д. А. ГРАНИН

Талант человечности

Было это в 1988 году. Мне пришлось, вернее, мне удалось, создать в Ленинграде общество «Милосердие». Первое такого рода общество в Советском Союзе. И за короткий срок туда пришли сотни и сотни людей. Много молодежи. К началу 1989 года Общество насчитывало больше тысячи волонтеров. Отыскивали какую-то комнатку в жилконторе. Но вскоре нас оттуда выселили. Более того, на Общество начали посматривать все неодобрительней. Казалось бы, занимались мы самыми добродетельными делами: обслуживали одиноких инвалидов, блокадников, убрали палаты в больницах, в домах престарелых и т. д., но с точки зрения «совковой» идеологии милосердие было мелкобуржуазным понятием: «У нас помощь оказывает советское государство, — говорили нам. — Вы что же, хотите доказать, что наши учреждения Собеса плохо работают?».

Пришлось нам собираться почти нелегально, где-то во дворах. Тогда я и решил обратиться в ЦК, к Горбачеву, попросить приема через одного из его помощников. Примерно через неделю позвонили из Москвы и пригласили приехать. Мы отправились в путь. Мы — это я и Алесь Адамович, который хотел рассказать Горбачеву о некоторых безобразиях в Белоруссии.

Горбачев принял нас в своем кабинете Генсека. Разговор длился часа полтора. Создание общества «Милосердие» Горбачев полностью поддержал, Адамовича также выслушал внимательно, о чем-то тут же распорядился. Чисто профессионально, по-писательски я наблюдал за ним — он был обаятельно приветлив, никакого наигрыша, все естественно, мило. Поговорили о литературе, он мне сказал что-то недовольное по поводу «Зубра», повести, за которую меня тогда усиленно ругали журналы типа «Наш современник» и газеты типа «Советская Россия». Чувствовалось, что сам Горбачев повести не читал, очевидно, ему что-то наптели. Я давно убедился, что большое начальство само книг не читает, спектаклей не смотрит, музыки не слушает, однако мнение обо всем имеет, подготовленное соответствующими отделами и консультантами.

Тем не менее, впечатление о визите, а главное о Горбачеве, было самое хорошее. Прощаясь, он меня расцеловал и подарил свою книгу, тут же надписав.

Мы вышли с Алесем воодушевленные и все же недоверчиво переспросили друг друга:

— Артист? Показуха?

Слишком много позади было разочарований и обманов.

Однако тут, решили мы, все выглядело достаточно искренне.

Как бы там ни было, результаты нашей поездки оказались поразительными. Не знаю, доложено ли было в Ленинград о моем визите, но по приезду все волшебным образом изменилось. Первый секретарь обкома Соловьёв сразу же меня принял, и ту же, в его кабинете, был решен вопрос о помещении для нашего Общества. Нам дали несколько комнат в центре города, поставили телефоны, сделали ремонт, привезли мебель — словом, создали хорошие условия для нормальной работы.

Слово Генсека действовало неукоснительно. В чем заключалось это слово — не знаю, но результативная помощь Горбачева обеспечила на много лет движение милосердия сперва в Ленинграде, а оттуда оно перекинулось в другие города и регионы.

С тех пор продолжалось мое знакомство с Горбачевым, возникли и укреплялись интерес и уважительное отношение к нему.

Я был приглашен на один из последних в истории КПСС пленумов ЦК. Сидел я на балконе рядом с группой генералов. На пленуме, неожиданно для меня, обнажилось то агрессивное отношение к Генсеку, которое, очевидно, нарастало в течение последнего времени. Выступали яростно, обвиняли Горбачева в том, что он дал слишком большую волю печати, радио, в том, что интеллигенция распоясалась. Нападки ожесточались, и в какой-то момент Горбачев не выдержал, сказал, что он готов уйти со своего поста. И вот тут генералы стали кричать: «И уходи! Убирайся!». Я видел рядом их багровые от злобы физиономии, стало ясно, что они способны на все, на любые силовые действия. Тогда я впервые понял, насколько серьезно и опасно положение Горбачева в ЦК, и какое противодействие Генсек испытывает.

Поэтому на первом съезде народных депутатов я мог оценить, как сложно было Горбачеву управлять огромной возбужденной разнородной аудиторией. В любую минуту она могла взбунтоваться. Горбачев проявлял искусство высшей категории. Он вел съезд, как опытный лоцман, хотя такого рода съездов никогда еще не было, с таким противостоянием делегаций — от Прибалтики до Средней Азии.

От съезда к съезду формировалась, крепла демократическая среда новой власти. Горбачев последовательно отстаивал свободу прессы, впрочем, это известно и без меня. Я же хочу отметить, что

мое гражданское, демократическое самосознание формировалось во многом под влиянием Горбачева — ему, как я понимаю нынче, приходилось удерживать нас, ретивых, и подтягивать консервативную часть, да еще обезоруживать партийную оппозицию. Как он потом рассказывал мне, против Генсека было настроено семьдесят, а то и больше процентов аппарата ЦК.

Конечно, были моменты моего острого несогласия с политикой Горбачева. Мне казалось, что Партию можно разделить на ту, что за перестройку, и ту, что против. Я, например, не понимал упорства, с каким Горбачев настаивал на кандидатуре Янаева в вице-президенты. Человек недалекий, чванливый, Янаев сам себя разоблачил, когда, выступая на съезде, рассказывал, как жена не жалуется на его мужские достоинства. Привел он сие, очевидно, доказывая свою годность на должность. Съезд дружно голосовал «против». Горбачев же упрямо, силой продавил этого мужского исполина в вице-президенты. Подобных промахов у Горбачева хватало. Но не этим определилось то новое, свободное, что пришло с Горбачевым. После Брежнева и череды немощных, маразмизирующих руководителей появился наконец глава государства, за которого не было стыдно, — наоборот, можно было им гордиться. Мне выпало удовольствие быть членом советской делегации во главе с Михаилом Сергеевичем в Германии. Я видел, с каким восторгом его принимали немцы в Бонне, Кельне, и у всех нас было чувство гордости за свою страну.

Упреки мои перемежаются с признательностью, досада — с теплыми воспоминаниями, однако чем дальше уходят те годы, тем яснее понимаешь, какую благодатную роль сыграл Горбачев в устранении казарменного режима, идеологических, цензурных уродств, в создании нормальной жизни, в частности для художественного творчества.

Во время одной из недавних встреч мы долго сидели с Михаилом Сергеевичем вдвоем. Разговор шел о качествах руководителей. Вдруг возникло то простое, откровенное, нелицеприятное доверие, какое случалось у меня лишь с самыми близкими людьми. Это, конечно, заслуга Горбачева, его талант, его особое человеческое качество.

Прошлые заслуги Горбачева несомненны. Но есть и нечто нынешнее, независимое от должности, — его присутствие сегодня как личности в нашей политической, гражданской жизни. Это облагораживает, украшает наше общество, где такая редкость руководитель с чистой совестью, не запятанный ни в какой корысти, коррупции, человек, страдающий за Россию.

